

РЕЛИГИЯ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ: К ВОПРОСУ О ПОСТСЕКУЛЯРНОМ ПЕРЕХОДЕ

Н. И. Шумакова, shumakovani@susu.ru
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В статье произведено комплексное исследование конституционного постсекуляризма как стремительно развивающейся политико-правовой парадигмы современного государства, возникшей в условиях глобализации, роста потоков миграции и трансформации общественных потребностей (в том числе – поиском национальной и культурной идентичности, и новых идеологических оснований для национального строительства). Теоретическим основанием работы служит утверждение о том, что классическая модель светскости не может и никогда не должна была применяться в качестве универсальной, поскольку она не отражает множественности цивилизационных путей развития, а значит – уникальные для каждого государства исторические и культурные особенности, определившие ту или иную модель государственно-конфессиональных отношений. В этой связи, постсекулярный переход предлагается рассмотрению как закономерный ответ на конфликт между секулярными и религиозными культурными детерминантами, оказывающий влияние на правовую реальность и конституционно-правовое регулирование.

На основании сравнительно-правового анализа предлагается авторская дефиниция «конституционный постсекуляризм», выявляются его признаки и принципы, анализируется влияние постсекулярного поворота на реализацию права на свободу совести и вероисповедания и сопряженных с ним свобод. Особое внимание уделяется конституционализации религии в России, Бразилии, Дании и Швеции как социально-культурной ценности, отражающей историко-традиционные особенности государства, а также – ее юридическому значению в современном публичном праве.

Ключевые слова: конституционное право, права человека, свобода совести, свобода вероисповедания, конституционные ценности, постсекуляризм, эволюция права, аксиология права, традиционные ценности, постсекулярный переход.

Для цитирования: Шумакова Н. И. Религия как конституционная ценность: к вопросу о постсекулярном переходе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2026. Т. 26, № 1. С. 114–120. DOI: 10.14529/law260117.

Original article
DOI: 10.14529/law260117

RELIGION AS A CONSTITUTIONAL VALUE: ON THE QUESTION OF THE POST-SECULAR TRANSITION

N. I. Shumakova, shumakovani@susu.ru
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The article presents a comprehensive study of constitutional post-secularism as a rapidly developing political and legal paradigm of the modern state, emerging in the context of globalization, increasing migration flows, and the transformation of societal needs (including the search for national and cultural identity, as well as new ideological foundations for nation-building). The theoretical premise of the research is based on the assertion that the classical model of secularism cannot and should never have been applied as a universal one, as it fails to reflect the plurality of civilizational paths of development and, consequently, the unique historical and cultural characteristics of each state that have shaped specific models of state–confessional relations. In this regard, the post-secular transition is considered a natural response to the conflict between secular and religious cultural determinants influencing legal reality and constitutional regulation.

Based on the comparative legal analysis, the author proposes an original definition of “constitutional post-secularism,” identifies its key features and principles, and examines the impact of the post-secular turn on the realization of the right to freedom of conscience and religion, as well as related rights and freedoms. Particular attention is paid to the constitutionalization of religion in Russia, Brazil, Denmark, and Sweden as a socio-cultural value reflecting their historical and traditional specificities, as well as to its legal significance in contemporary public law.

Keywords: constitutional law; human rights; freedom of conscience; freedom of religion; constitutional values; post-secularism; evolution of law; legal axiology; traditional values; post-secular transition.

For citation: Shumakova N. I. Religion as a constitutional value: on the question of the post-secular transition. *Bulletin of the South Ural State University. Series “Law”*. 2026. vol. 26. no. 1. pp. 114–120. (in Russ.) DOI: 10.14529/law260117.

Процессы глобализации, миграции, цифровизации и изменения структуры общественных потребностей в XXI веке сопровождаются ростом значимости религиозных акторов в политико-правовом поле. Тем самым классическая модель светскости – французская «*laïcité*», при которой религиозность может быть исключительно индивидуальной [5, с. 161], утрачивает свои позиции единственного ориентира для развития демократического государства. Современные исследования ставят под сомнение универсальность секуляризации, подчеркивая множественность цивилизационных путей развития, тогда как постсекуляризм рассматривается как естественный результат глобальных трансформаций общественного сознания [8, с. 95–96] – своеобразный ответ на конфликт между секулярными и религиозными культурными детерминантами. Подобный конфликт способен привести к появлению в праве противоречий в области реализации свободы совести и вероисповедания [1, с. 173].

Озвученная трансформация находит свое отражение в поиске новых ценностных оснований конституционного права. При этом понятие «конституционный постсекуляризм» на сегодняшний день отсутствует в правовом поле, однако можно утверждать о необходимости его введения в рамках изучения трансформации конституционно-правовых институтов и отношений.

Постсекуляризм в XXI веке следует рассматривать в рамках конструктивистской парадигмы – государство и право являются социальными институтами, а на содержание понятий в конкретный исторический период влияет доминирующая в этот отрезок времени система ценностей, что, с одной стороны, означает влияние социума на принимаемые государственной властью нормы права, а с дру-

гой – принятие норм позитивного права в целях искусственного конструирования определенных паттернов правовых отношений [2, с. 8–9].

Россия все чаще описывается как особый вид цивилизации, на формирование которого колоссальное влияние оказало православие [4]. Этим продиктован выбор стран для проведения сравнительно-правового анализа в данной статье – все четыре государства (Бразилия, Швеция, Дания и Россия) являются христианскими цивилизациями, находящимися в процессе десекуляризации, где постсекуляризм выступает в качестве основы изменения прав человека, пределы которых теперь определяются новыми ценностными ориентирами – в публичном праве происходит постсекулярный поворот и религиозная свобода превращается в системообразующее звено. Такая трансформация в государствах со сложным этническим и конфессиональным составом требует выработки новых правовых инструментов и механизмов, способных поддерживать баланс интересов всех граждан. Для нивелирования рисков дальнейшей постсекулярной трансформации, сопровождаемой усилением роли религии и традиционных духовно-нравственных ценностей в национал-строительстве, может быть применен трансцивилизационный подход, разработанный Осуаки Я. [18, с. 19–57, 167, 292, 313, 481–484] в целях переосмысления права с учетом культурных особенностей, что особенно актуально для стран с многоконфессиональным составом, где объединяющей основой должно стать определение универсальных для всех ценностей, отражающих фундаментальные права человека [18].

Для христианских цивилизаций, к коим относятся Россия, Дания, Швеция и Бразилия, одной из таких ценностей является религия,

более того, она получила в них свое конституционное оформление.

Так, ст. 4 Закона «О престолонаследовании», входящего в Основной закон Швеции, предусматривает, что монарх «всегда должен придерживаться чистого евангельского учения», а в преамбуле данного акта указано, что главой Швеции король является «Божьей милостью». Данные положения указывают на важность традиционной для королевства разновидности христианства, подчеркивая ее культурную и историческую ценность.

Аналогичную статью, отражающую историческую связь государства и церкви, можно найти и в Конституции Дании. «Божьей милостью» монарх возглавляет государство, как указано в преамбуле Основного закона от 5 июня 1953 г. № 169. В соответствии с ст. 6 гл. 2 король или королева могут принадлежать только к евангелическо-лютеранской церкви, а ст. 4 закрепляет за Церковью Дании статус «народной».

Упоминание Бога содержится и в Конституции Бразилии, преамбула которой гласит, что Основной закон провозглашен «под защитой Бога». Б. Мело, Х. Э. П. Филхо и Р. А. Фирес задаются вопросом, не означает ли это, что свобода вероисповедания гарантируется только христианам и выделяют три противоположных точки зрения на данную проблему в бразильской правовой науке: 1) включение Бога в преамбулу должно рассматриваться как «политическое и культурное выражение», не имеющее юридической силы; 2) положения преамбулы – это герменевтический элемент, влияющий на толкование и применение положений Конституции, отражающий намерения и цели законодателя, разрешающий потенциальные конфликты или двусмысленности в тексте; 3) данное положение формулирует высшие ценности общества, имеет конституционное значение и должно считаться источником юридических прав и обязанностей [16].

В России религия также включена в Конституцию ч. 2 ст. 67.1. В толковании предпосылки данной поправки особо интересен подход Н. С. Коневой – не только общество может предлагать государству новые ценности или новое смысловое наполнение ценностей, но и государство – обществу, но отсутствие диалога между ними при конституционализации традиционных ценностей, которые не являются объективной категорией, недопусти-

мо, поскольку в таком случае это будет происходить без учета факторов развития общества [6, с. 17–18].

Таким образом, религия как конституционная ценность представляет собой охраняемую государством социально-культурную категорию, закрепление которой не означает отказа от светскости или свободы совести, а отражает признание ее исторической и мировоззренческой роли. Вместе с тем сохраняются риски нарушения баланса светскости, конфессионального доминирования и противоречий в праве.

В то же время придание религии статуса конституционной ценности создает необходимость в пересмотре прежнего, продиктованного секулярной парадигмой развития законодательства, баланса между правом на свободу совести и вероисповедания и другими правами и свободами человека, что обусловлено постоянным усложнением их взаимодействия друг с другом. Особое внимание здесь следует уделить тому, что не приобретает ли свобода совести и вероисповедания статус квазиконституционной нормы в условиях, когда в государстве конституционно закреплен его постсекулярный характер, поскольку переход от светского к постсекулярному происходит через этап секуляризации, что не может не вызывать определенных конфликтов, связанных с пониманием границ права на свободу совести и вероисповедания как непосредственно в самом обществе, так и на стадии правоприменения, что обусловлено историческими особенностями развития права. Говоря о рисках, связанных с трансформацией границ права на свободу совести и вероисповедания, в первую очередь необходимо обратиться к принятой Советом Безопасности ООН резолюции от 14 июня 2023 г. S/RES/2686 «Поддержка международного мира и безопасности», осуждающую нападения, совершаемые на религиозные места, объекты и святыни и признающую, что язык ненависти, ксенофобия, дискриминация и акты экстремизма способны как провоцировать новые, так и усугублять уже существующие международные и межконфессиональные конфликты. Датский законодатель предпочел последовать рекомендациям Совета Безопасности ООН и внес соответствующие изменения в Особую часть Уголовного кодекса Дания (Закон от 15 апреля 1930 г. № 126), приняв 7 декабря 2023 г. поправку L 65 к ст. 110, тем

самым криминализировав оскорбление чувств верующих, а именно — «ненадлежащее обращение с текстами или объектами, имеющими важное религиозное значение для признанной религиозной организации». Швеция от подобных поправок воздержалась, но, тем не менее, шведское Министерство юстиции уточняет, что свобода выражения мнений, свобода информации и свобода демонстраций хоть и являются столпами государственного строя королевства, это не означает вседозволенность, так как данные свободы не распространяются на публичное разжигание ненависти по этническому и религиозному признакам, к проявлениям которых, однако, не относится «выражение мнений, которые бросают вызов религиозным посланиям или могут быть восприняты верующими как оскорбительные» [14].

В конституционной доктрине Бразилии право на свободу вероисповедания имеет черты фундаментального. Указывая на исторические особенности формирования бразильского законодательства, Р. П. Маседо Жуниор даже обвиняет текущую правоприменительную практику в «отмене свободы выражения мнения во имя принципов достоинства человеческой личности и судебного равенства» [15]. То есть, в проблеме поиска баланса прав и ценностей судебные органы зачастую отдают предпочтение защите права на свободу совести и вероисповедания, но не свободе выражения мнений, хотя оба правовых института имеют конституционное закрепление. С этими выводами не согласны Ферраз Перейра П. и да Сильва Мораес А. Х. Л., в своем новейшем исследовании доказывающие, что именно рост религиозной нетерпимости спровоцировал трансформацию конституционных гарантий и что бразильская правоприменительная практика по-прежнему сталкивается с культурными и институциональными проблемами, которые препятствуют эффективной борьбе с религиозной дискриминацией по отношению к уязвимым группам населения [17, с. 3651]. И, действительно, положения ст. 4 и 9 Конституции ФРБ гарантируют всем гражданам свободу выражения мнений и свободу творчества. Но, как и в случае с Данией и Швецией, речь не идет об абсолюте. Здесь совершенно справедливо утверждение о том, что на недопустимость его возникновения должны быть направлены дополнительные усилия со стороны правоприменительной

практики, исключающей идеологическое толкование в ущерб законным правам и интересам граждан. Более того, бразильские правоведы полагают, что такое толкование границ свободы совести и вероисповедания противоречит самому духу Бразильской Конституции, ориентированному не на американские ценности со свободой слова как системообразующей, а на европейские, согласно которым свобода совести и вероисповедания должна охраняться как элемент достоинства личности [13].

Российской Федерации также близок достоинство-ориентированный подход к определению границ прав человека. В ст. 21 Конституции РФ закреплено, что достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления, в то время как ст. 2 провозглашает высшей ценностью человека, его права и свободы. Являясь светским, многонациональным и многоконфессиональным государством, Россия видит в основе укрепления единства нации взаимное понимание и уважение в вопросах реализации данного права, что закреплено в преамбуле ФЗ от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». При этом Россия относится к странам с высоким индексом враждебности к религии, а приобретающий актуальность вопрос о запрете ношения религиозной одежды в общественных местах, может привести к маргинализации отдельных групп населения, даже если он направлен на защиту самих верующих [3, с. 47–49]. В качестве реакционных мер приняты положения ст. 5.26 КоАП РФ и ст. 148 УК РФ, предусматривающие ответственность за оскорбление чувств верующих и нарушение свободы совести и вероисповедания, определяющие границы свободы слова и выражения мнений диффамацией религии и правами верующих. Как и для Бразилии, для России невозможно возведение в абсолют свободы слова и выражения мнений – их границы определены установлением запрета пропаганды социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Не может быть возведена в абсолют и свобода совести как право субъекта определять должное поведение в религиозной сфере и отношение к религии, злоупотребление которой может приводить к возникновению угрозы религиозной безопасности, а чрезмерное ее ограничение – к моральной деградации населе-

ния [8]. Однако в отечественной правовой науке обращается внимание на расширение границ свободы вероисповедания по отношению к другим правам и свободам человека. В качестве примера приводится возникновение коллизии между свободой совести и свободой слова, свободой совести и свободой творчества, в частности – положения ст. 9 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1), согласно которым «права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений», которые в современной России стали ограничиваться эмоциональным состоянием отдельной группы людей, связанным с переживанием утраты определенных субъективных смыслов [9]. С одной стороны, такой подход определен историческими предпосылками [10], с другой – Россия – светское государство, и установление ответственности за богохульство будет стимулировать появление предпочтения какой-либо религии или религиям, что означает необходимость разработки механизмов противодействия конфессиональному доминированию [11]. Несоблюдение же такого баланса способно вызвать раскол общества на противоборствующие социальные группы [12].

Полученные результаты указывают, что конституционный постсекуляризм – это политико-правовая парадигма государства, выработанная в ответ на изменение потребностей населения в целях укрепления национального единства, характеризующаяся интеграцией религиозных и светских элементов в конституционное устройство. Будучи элементом националстроительства, данная парадигма сохраняет принцип отделения церкви от госу-

дарства, но при этом развивает взаимодействие между государственными органами и религиозными организациями в интересах общества.

Перечисленное позволяет выделить следующие признаки конституционного постсекуляризма: 1) конституционные гарантии свободы совести и вероисповедания; 2) религиозные организации выступают в качестве полноценного участника публичного пространства; 3) взаимодействие между государством и религиозными организациями с сохранением суверенитета сторон; 4) чувства верующих являются объектом административно- и уголовно-правовой охраны; 5) смещение государственных приоритетов развития национального законодательства в сторону духовно-нравственных ценностей.

На основании озвученного также можно сформулировать принципы конституционного постсекуляризма как новой модели взаимодействия религии и государства. Таковыми являются: 1) конституционное признание религиозного многообразия; 2) конституционная гарантия права на свободу совести и вероисповедания, в том числе, права не исповедовать никакой религии; 3) нормативное оформление взаимодействия государства и религиозных организаций во имя интересов населения; 4) равенство всех религий перед законом; 5) нормативное обеспечение недопустимости дискриминации по религиозному признаку; 6) законодательное закрепление особой роли религии в жизни общества и государства.

Дальнейшее развитие постсекуляризма как модели государственно-конфессиональных отношений требует ее концептуального осмысления с опорой на трансцивилизационный подход как естественный вектор эволюции права [18], обеспечивающий равноправный диалог культур в условиях многонационального и многоконфессионального общества.

Список источников

1. Боровик Д. А., Мамедов А. К. Дескриптивная и нормативная концепции постсекуляризма в социальных науках // *Культура и цивилизация*. 2024. № 3. С. 168–177.
2. Гумеров Л. А., Краснов А. В., Рязанова М. Н. Классическая и конструктивистская парадигмы в методологии исследования общества и права // *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2023. № 2. С. 7–10.
3. Исаева А. А. Ограничения свободы совести: зарубежные тенденции и российские реалии // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2016. № 3 (21). С. 45–58.

4. Каргин Е. А. К вопросу о становлении концепта «православная цивилизация» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 77–88.
5. Кырлежев А. И. Секуляризм и постсекуляризм в России и в мире // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 161–174.
6. Конева Н. С. Конституционализация традиционных ценностей: диалог общества и государства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 17–19.
7. Матецкая А. В. Формирование постсекулярного общества в России // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 5. С. 93–107.
8. Мещерякова А. Ф. Свобода совести как объект обеспечения религиозной безопасности // Lex Russica. 2024. Т. 77. № 7 (212). С. 86–95.
9. Савинов Л. В., Дорожинская Е. А., Сигарев А. В. «Дело о Тангейзере»: секулярный парадокс и правовая коллизия // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. № 15. С. 76–86.
10. Симашенков П. Д. Государственное регулирование вопросов вероисповедания в историческом ракурсе // Концепт. 2015. № 2. С. 146–150.
11. Устюжанинова Е. А., Пибаяв И. А. Развитие законодательства о защите религиозных чувств граждан в свете конституционного принципа светскости государства и права на свободу вероисповедания в России и Италии // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 1. С. 201–208.
12. Шакиров А. Ф. Проблемы правового регулирования религиозных чувств верующих в Российской Федерации: причины, следствия и пути решения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2024. № 49. С. 164–173.
13. Arbués M. P., da Rocha Brumatte V. L. L. Religious freedom and human rights: the Brazilian experience // Latin American Human Rights Studies. 2024. Vol. 4. P. 1–20.
14. Freedom of expression and freedom to demonstrate in Sweden. URL: <https://www.government.se/articles/2023/01/freedom-of-expression-and-freedom-to-demonstrate-in-sweden/> (accessed: 07.02.2026).
15. Macedo Júnior R. P. Liberdade de expressão: que lições devemos aprender da experiência americana? // Revista Direito GV. 2017. Vol. 13. No. 1. P. 274–302.
16. Melo B., Fires R., Pimentel Filho J. Under the Protection of God: Does the Preamble of the Brazilian Constitution of 1988 Allow Freedom of Expression solely for Christians? [Electronic resource] // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/376809983_Under_the_Protecion_of_God_Does_the_Preamble_of_the_Brazilian_Constitution_of_1988_Allow_Freedom_of_Expression_solely_for_Christians (accessed: 07.02.2026).
17. Pereira P. F., da Silva Moraes A. H. L. Intolerância religiosa no Brasil: uma análise jurisprudencial da atuação do tribunal de justiça na penalização // Lumen et Virtus. 2025. Vol. 16. No. 47. P. 3638–3654.
18. Yasuaki O. International law in a transcivilizational world. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 732 p.

References

1. Borovik D. A., Mamedov A. K. [Descriptive and normative concepts of post-secularism in the social sciences]. *Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and Civilization]*, 2024, no. 3, pp. 168–177. (in Russ.)
2. Gumerov L. A., Krasnov A. V., Ryazanova M. N. [Classical and Constructivist paradigms in the methodology of research on society and law]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom [Civil Society in Russia and abroad]*, 2023, no. 2, pp. 7–10. (in Russ.)
3. Isaeva A. A. [Restrictions on freedom of conscience: Foreign trends and Russian realities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo [Bulletin of Tomsk State University. Right]*, 2016, no. 3 (21), pp. 45–58. (in Russ.)
4. Kargin E. A. [On the question of the formation of the concept of "Orthodox civilization"]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya [Scientific result. Social and humanitarian studies]*, 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 77–88. (in Russ.)

5. Kyrlezhev A. I. [Secularism and post-secularism in Russia and in the world]. *Otechestvennye zapiski [Otechestvennye zapiski]*, 2013, no. 1, pp. 161–174. (in Russ.)
6. Koneva N. S. [Constitutionalization of traditional values: a Dialogue between Society and the State]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo [Constitutional and Municipal Law]*, 2023, no. 12, pp. 17–19. (in Russ.)
7. Matetskaya A. V. [Formation of a postsecular society in Russia]. *Gumanitarniy Yuga Rossii [Humanities of the South of Russia]*, 2020, Vol. 9, no. 5, pp. 93–107. (in Russ.)
8. Meshcheryakova A. F. [Freedom of conscience as an object of ensuring religious security]. *Lex Russica*, 2024, Vol. 77, no. 7 (212), pp. 86–95. (in Russ.)
9. Savinov L. V., Dorozhinskaya E. A., Sigarev A. V. [The Tannhauser Case: a Secular paradox and a legal conflict]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie [Izvestiya Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies]*, 2016, no. 15, pp. 76–86. (in Russ.)
10. Simashenkov P. D. [State regulation of religious issues from a historical perspective]. *Kontsept [Concept]*, 2015, no. 2, pp. 146–150. (in Russ.)
11. Ustyuzhaninova E. A., Pibaev I. A. [The development of legislation on the protection of religious feelings of citizens in the light of the constitutional principle of secularism of the state and the right to freedom of religion in Russia and Italy]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology]*, 2016, no. 1, pp. 201–208. (in Russ.)
12. Shakirov A. F. [Problems of legal regulation of religious feelings of believers in the Russian Federation: causes, consequences and solutions]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie [Izvestiya Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies]*, 2024, no. 49, pp. 164–173. (in Russ.)

Информация об авторе

Шумакова Наталья Игоревна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия.

Information about the author

Natalya I. Shumakova, Senior Lecturer at the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia.

*Статья поступил в редакцию 10 января 2026 г.
Received January 10, 2026.*